

Такая милая и нежная поддержка со стороны Фэн Мина, конечно же, вызвала ответную реакцию у Жун Тяня.

Фэн Мин очень редко баловал его своей инициативой, а сам мужчина считал, что не годится отказываться от деликатесов, которые ему, можно сказать, преподносят на блюдечке. Поэтому, как только его одарили этим нежным поцелуем, Жун Тянь, не теряя ни секунды, сжал затылок своего любимого Феникса и страстно прижался к его губам. Впившись в эти алые и манящие лепестки, горячий язык мужчины резко проник в сладкий ротик Фэн Мина и стал безжалостно терзать его своим поцелуем, желая утолить свой голод. И тут, когда они уже готовы были отдаться самозабвению, сзади неожиданно донеслось тяжёлое дыхание. Прекрасно понимая, что вдовствующая императрица и Тун Цзяньмин уже потихоньку отходят от шокового состояния, Жун Тянь в последний раз прижался к губам Фэн Мина и нехотя отпустил его в мягкость постели, давая юноше прийти в себя от такого страстного поцелуя. Наконец-то высвободив из объятий податливого князя, Жун Тянь повернул красивое лицо, на котором застыла лёгкая растерянность, и, поглядев на вдовствующую императрицу, сказал:

— Матушка-императрица, умерьте гнев. Я понимаю, как Вам нелегко, но и мой указ о «Равной Милости» был написан не спонтанно. Этот указ был создан ещё до того, как я вступил на престол. Я вынашивал этот план годами. За последние несколько лет, проведённых на престоле, я отправлял своих людей во все государства и города и даже не обошёл стороной свои дворцы в Силэй. Тайно наблюдая за тем, что творится в одиннадцати государствах, я решил создать подобный указ. И никто — ни Вы, матушка, ни кто-либо ещё — не сможет переубедить меня и заставить пересмотреть своё решение.

Но сидевшая на стуле вдовствующая императрица не проронила ни слова, своим видом напоминая глиняную скульптуру. Она никак не отреагировала на слова Жун Тяня, будучи сильно ошарашенной принятым решением.

А вот Тун Цзяньмин, став мрачнее тучи, подавленно проговорил:

— То есть, Ваше Величество держится крепко своего мнения и хочет отказаться от наследия предков?

— Генерал Тун сильно ошибается, — Фэн Мин растирал висок и сидел в постели, от только что ответного поцелуя Жун Тяня кружилась голова, в которой едва ощущалось возбуждение. Решительный отказ Жун Тяня пересмотреть указ о «Равной Милости» был действительно непревзойдённым, что пробудил в Фэн Мине отвагу и, конечно, как велит долг, нужно помочь Жун Тяню отразить нападки Тун Цзяньмина. — Указ о «Равной Милости» — великий указ, он поможет Силэй за короткое время стать самой великой державой в одиннадцати государствах, даже государство Ли — пыль в сравнении с такой величественной манерой императора, такой храбростью и силой, как у Жун Тяня. Всякий, кто считает, что «Равная Милость» сотрёт Силэй с лица земли, дальше своего носа ничего не видит.

Тун Цзяньмин пришёл в отчаяние, услышав, что Жун Тянь наотрез отказывается уничтожить указ о «Равной Милости». Мужчина был уверен, что эта «суицидальная политика» — ещё одна хитрая уловка Фэн Мина. После такого отношение к юноше внезапно упало до очень низкого

уровня, а сам мужчина презрительно фыркнул:

— Оказывается, я, генерал, защищавший Силэй на протяжении десятков лет, дальше своего носа ничего не вижу. Зато князь Мин, которого несколько раз похищали и трижды спасала армией Силэй, дальновиден?

Эти слова не могли не задеть Фэн Мина за живое.

Если считать, кого из знати одиннадцати государств чаще всего похищали, то он, Фэн Мин, мог бы занять второе место, но никак не первое.

От подобных слов милое личико юноши окрасилось в ярко-алый цвет. Подняв руку, Фэн Мин по привычке стал почёсывать затылок. Он чесал затылок долгое время, пока не вспомнил о том, что должен во чтобы то ни стало защитить идею Жун Тяня, и, вновь вернув серьёзный вид, проговорил:

— Уж кто здесь дальновидный, так это не я, а Жун Тянь.

— Ох, это всё равно что бессмысленно спорить...

— Тун Цзяньмин, — до этого молчаливая вдовствующая императрица внезапно открыла рот и сурово произнесла: — пусть князь Мин закончит речь, да поскорее.

Сейчас, когда Генерал Тун понял, что мать-императрица на его стороне, то тут же повинился приказу и замолчал, давая Фэн Мину высказаться.

Жун Тянь был очарован, заметив с каким увлечением говорит Фэн Мин, стараясь защитить его указ. Подперев рукой подбородок, мужчина стал внимательно слушать любимого феникса и его объяснения.

Фэн Мин продолжил:

— Жун Тянь отличался своей дальновидностью, и этот разработанный план по указу о «Равной Милости» — отправная точка.

— Князь Мин, прошу Вас, объясните подробнее, — попросила вдовствующая императрица, как только юноша замолчал.

— И поскольку это отправная точка, то для Жун Тяня, как для императора Силэй и для того, кто собирается встать во главу всех одиннадцати государств, труднее всего найти одарённых и достойных людей.

Эти слова заставили вдовствующую императрицу о чём-то задуматься и слегка оживиться.

— Замечательно! — неожиданно рассмеялся Жун Тянь, и, ударив рукой по кровати, одобрительно произнёс: — Ты прав, говоря «для того, кто собирается встать во главу всех одиннадцати государств, труднее всего найти одарённых и достойных людей». Ха-ха, Фэн Мин, Фэн Мин, только ты можешь говорить такие потрясающие вещи. А я всё думал над предложениями, которые могли бы коротко и ёмко передать весь смысл «Равной Милости». А если говорить витиевато, то тогда будет долго и нудно и никто вообще ничего не поймёт. Но у тебя получилось всего одним простым предложением описать всю идею моего замысла, — и, одарив Фэн Мина своим любовным взглядом, мужчина с восхищением вздохнул.

Фэн Мину стало неловко от похвалы и юноша хохотнул:

— Я, как-то не особо задумываясь, ляпнул это. Давай продолжим дальше говорить. — и, убрав с лица довольную улыбку, юноша вновь сделался серьёзным. — Талантливые и достойные люди — это самый важный ресурс для всего государства. Только достойнейший человек способен управлять целым государством, только способные и одарённые люди могут продвигать вперёд хлебопашество и животноводство, только талантливые люди способны вести войну, лишь талантливый человек...

— Кхм-кхм, — дважды покашляла вдовствующая императрица и спокойно произнесла: — Князю Мину стоит просто сказать, что «Государству нужны талантливые люди» — вот и всё.

— Э? Да-да. — Фэн Мин тотчас же отозвался и, поменяв тему разговора, вновь вернулся: — В будущем объём выборов министров и генералов распространится до простолюдин и крестьян, это заставит государство дать возможность выбирать ещё больше талантливых...

— Эта «Равная Милость» — абсурдное решение. — Генерал Тун относился к новому указу с неприкрытым отвращением. И, несмотря на то, что он не пререкался с вдовствующей императрицей, мужчина не выдержал и вновь начал спорить. — Одарённые люди — это знать, что сидит в императорском совете. А эти простолюдины и рабы — низший народ, какие у них могут быть таланты? Это всё равно что искать генерала среди обезьян, попросту сумасбродная идея.

Не успел мужчина закончить фразу, как всё это время тихо сидящий на краю кровати Жун Тянь, резко свёл брови к переносице и поднялся с места. Длинные ноги, сделав всего пару шагов, привели мужчину прямо к генералу Туну, словно могучая гора выросшая перед ним, от такого давления Тун Цзяньмин чуть задохнулся.

Жун Тянь опустил руку к поясу, и, найдя, со звоном вытащил из ножен холодно блестящий меч.

Мать-императрица и Фэн Мин, подумали, что Жун Тянь собирается убить генерала Туна, и в крайнем изумления, одновременно выскочили: женщина со стула, а Фэн Мин с кровати и закричали.

— Жун Тянь!

— Ваше Величество, не надо!

Но крик вдовствующей императрицы и Фэн Мина не возымел эффекта — Жун Тянь уже обнажил холодный клинок. Блеск металла вспыхнул, словно молния, и двинулся вперёд, заставляя генерала Туна застыть в недоумении. Мужчина просто не знал, что же будет дальше. А дальше меч резко остановился на полпути, так и не достигнув цели, и, перевернувшись в воздухе, лёг в широкие ладони Тун Цзяньмина.

Посмотрев на изумлённого генерала Туна, Жун Тянь разомкнул свои тонкие губы и внезапно выкрикнул, спрашивая:

— Цзы Янь, ты всё ещё здесь?

— Цзы Янь здесь! — Донёлся снаружи голос юного генерала.

Жун Тянь, также не прося его войти, через занавеску резко спросил:

— Цзы Янь, ты на протяжении десяти лет владеешь техникой меча. Не осмелился бы ты сразиться с Тун Цзяньмином? Только не забывай, он старый генерал и опытный мастер кэндзюцу в Силэй.

— Почему бы и не осмелиться?! — Прозвучал в палатке решительный ответ Цзы Яня.

Мужчина заранее знал, что Цзы Янь примет бой. После ответа юного генерала, Жун Тянь перевёл свой холодный взгляд и, одарив им Тун Цзяньмина, сказал:

— Если Вы, генерал, выиграете этот бой, то нынешний император тотчас же освободит Вас.

Сам же генерал был потрясён до глубины души. Ведь он даже не предполагал, что ему вновь вернут свободу.

Семья Тун на протяжении нескольких поколений была предана Силэй. В этой семье рождались только мужественные и храбрые полководцы. Можно сказать, как только Тун Цзяньмин появился на свет, то он сразу же стал полководцем. Все старые генералы, кроме отца, всё старшее поколение кропотливо обучали его, к тому же приглашали отовсюду известных учителей по искусству меча. Он был достаточно самоуверен по отношению к кэндзюцу.

Цзы Янь же был генералом, которого Жун Тянь всегда держал при себе, и, когда наступал самый критичный момент, молодой генерал незамедлительно вёл войска в бой, защищая государя. Конечно же, Тун Цзяньмин никогда не встречал этого бесстрашного генерала во

дворце Силэй. Но, судя по голосу, раздававшемуся снаружи, мужчина мог сказать, что этому молодому генералу едва исполнилось двадцать лет. А это значит, что юноша всего лишь несколько лет обучался технике меча и его мастерство значительно разнилось с опытным Тун Цзяньмином.

Преимущество молодого мастера в том, что на его стороне сила и молодость. Чем дольше бой, тем больше сил можно продемонстрировать. Чего не скажешь о старом генерале, которого этот долгий бой может только вымотать. Однако сам бой на мечах — это совсем не перетягивание каната, здесь одной физической силой не обойтись. В такой поединке прежде всего стоит смотреть на мастерство и опыт, накопленный годами — вот что является истинным ключом к победе. Опираясь на мастерство и опыт, можно с лёгкостью сделать выпад, нанося удар в руку противника, тем самым обезоруживая его и одерживая над ним победу.

Немного порассуждав, Тун Цзяньмин быстро принял решение, после чего положил ладонь на рукоять меча, что лежал в его руках, и крепко стиснул её. Затем медленно поднялся с места и серьёзно произнёс, обращаясь к Жун Тяню:

— Если когда-нибудь Вы попадёте ко мне в плен, то я тоже предоставлю Вам такой же шанс, — и, окинув взглядом подол, висевший на входе, генерал невозмутимо направился к выходу.

Генерал Тун вышел из палатки, а Фэн Мин вздохнул с облегчением. После чего откинулся на спину, погружаясь в мягкость постели. Но, как только ягодицы коснулись простыней, из его груди тотчас же вырвался громкий крик:

— Ай!.. Больно!..

Жун Тянь спешно подошёл, помогая ему осторожно устроиться в постели, и с сожалением поругал его:

— Тебе нужно лежать, зачем ты вскочил?

Фэн Мин только что считал, что император хочет убить генерала Туна, будучи под огромным впечатлением, он откуда-то решил, что способен встать, но испытывшее огромную «страсть» Жун Тяня тело не могло двигаться небрежно и сейчас был вынужден принимать плачевный результат «плотских утех». Лицо искажалось от боли, услышав, что говорит Жун Тянь, юноша тотчас же обвиняюще поглядел на Жун Тяня:

— Если бы не ты, я бы лежал так? — из-за сидящей в стороне вдовствующей императрицы им только и оставалось, что говорить шёпотом.

Внезапно с улицы донёсся звон металла, проникая даже сквозь тяжёлую ткань палатки и оповещая о том, что бой уже начался.

Услышав этот лязг, Фэн Мин и Жун Тянь тут же прекратили перешёптываться и внимательно стали прислушиваться к каждому звуку, к каждому шороху, что исходил снаружи. Сам же Фэн Мин уже мог похвастаться своими навыками в кэндзюцу, которое было ничем не хуже навыков Жун Тяня. Однако до ветерана Тун Цзяньмина он точно не дотягивал. Прищурился глазами и уставившись на занавеску, юноша вслушивался в звон стали, что звучал то тихо, то иногда очень громко. При этом Фэн Мин понятия не имел, что же там всё-таки происходит. В какой-то момент юноша, мельком глянув на притихшую вдовствующую императрицу, перевёл свой взгляд и уставился на сосредоточенное лицо Жун Тяня, который сидел рядом.

Мужчина тоже внимательно вслушивался в звуки поединка, иногда с улыбкой на губах кивал головой, а иногда вздыхал. Но внезапно Жун Тянь прервал тишину, решив шёпотом пояснить:

— К сожалению, Цзы Янь слишком молод и слишком горяч. Иначе он бы уже обхитрил Тун Цзяньмина и метнул в него нож, заставляя того выронить меч.

Фэн Мин сильно удивился, завидовал и восхищался, но, колеблясь между верой и неверием, спросил:

— Ты действительно только по звуку можешь угадать каждый их приём?

Жун Тянь не смог удержаться от смеха:

— Даже мастеру такое не под силу. Я лишь дурачу тебя. — договорив, мужчина разразился хохотом. Отсмеявшись, он вновь серьёзно проговорил: — С большой уверенностью могу сказать, что Цзы Яню удастся метнуть нож в Тун Цзяньмина и стать победителем этого поединка. Хочешь поспорим?

Увидев странную улыбку на губах мужчины, Фэн Мин поспешно замотал головой:

— На убийство я тоже не играю. С тобой спорить, не важно, проигрыш или победа, меня всё равно ждёт несчастная судьба.

Они ещё какое-то время перешёптывались, снаружи постепенный ожесточённый бой уже внезапно прекратился, Жун Тянь, переведя свой взгляд, холодно произнёс:

— Войдите.

Получив разрешение и подняв подол, в палатку первым вошёл Цзы Янь. От учащённого дыхания его грудь постоянно то вздымалась, то опускалась. Его меч уже был в ножнах и висел за поясом. Войдя в палатку и встав перед Жун Тянем, юноша слегка наклонился, зависая в поклоне.

— Выиграл? — спросил Фэн Мин, высовывая свою мордашку из-за спины Жун Тяня.

Слегка повернув к нему голову, Цзы Янь растянул свои губы в улыбке, обнажая белые жемчужины зубов. Эта сахарная улыбка и была ответом на вопрос Фэн Мина.

Вскоре раздались тяжёлые шаги, и вслед за Цзы Янем в палатку вошёл Тун Цзяньмин. Меча, что вручил ему Жун Тянь, в руках у него уже не было. А сам мужчина был немного растерян, да и мрачность, что сейчас застыла на его лице, придавала этому бравому генералу старческий вид.

Как только подол опустился за спиной мужчины, взгляд Тун Цзяньмина скользнул по недовольному лицу вдовствующей императрицы. После, немного задержавшись на нём, мужчина медленно перевёл свой взгляд и, поглядев на Жун Тяня, произнёс:

— Я проиграл.

Жун Тянь спросил:

— Ты знаешь, кому проиграл?

— Знаю, — генерал сказал: — простолюдину.

— А ты говорил, что невозможно найти генерала среди обезьян.

— Только вот обезьяна всё равно останется обезьяной, какой бы талантливой она не была. И не важно насколько хорошо она обучена, обезьяна-генерал только и может, что смешить людей. — Тун Цзяньмин холодно поднял голову, обнажая непоколебимую гордость, что плескалась в его глазах. — Существует чувство уважения и преданности. Преданность знати к императорской семье, что передаётся из поколения в поколение, — это основа, на которой непоколебимо стоит государство. Вы можете убить меня, но я никогда не поменяю своего мнения. И я не хочу умирать от рук простолюдина, поэтому я прошу Её Величество дать мне меч, чтобы я мог покончить жизнь самоубийством.

Даже в такой момент генерал Тун оставался всё таким же непреклонным и упрямым.

Ошарашенный Фэн Мин перевёл взгляд на Цзы Яня:

— Не хочешь ничего сказать?

Но Цзы Янь лишь покачал головой.

Фэн Мина ещё больше удивило то, каким спокойным и невозмутимым сейчас был этот юный генерал.

— Он тебя оскорбил, неужели ты на него не злишься?

Цзы Янь опустил взгляд и, немного подумав, ответил:

— Он не может сбежать и не может снова сразиться со мной. Сейчас он выглядит ужасно жалким, поэтому всё, на что он способен — это молоть языком, отчего мне на него злиться? — неожиданно этот милый парень сказал очень жестокие слова, заставляя Тун Цзяньмина гневно поглядеть на себя, стать багрово-красным от злости.

— Ха-ха-ха-ха, — запрокинув голову, рассмеялся Жун Тянь, который до этого внимательно слушал их разговор. Мужчина очень долго смеялся, потом всё же успокоился и, помахав рукой, приказал: — Тун Цзяньмин, возвращайся домой. Хотя ты и немного старомоден, но всё же ты был и останешься самым преданным генералом Силэй. А вот Тун-эр совершенно другой. Он осмелился на тайный сговор с Жо Янем и предал Силэй. Я ему этого никогда не прощу. Можешь так ему и передать, когда вернёшься домой. Цзы Янь, подай генералу коня, отдай меч и дай немного еды в дорогу. Потом отведи его подальше от нашего лагеря, примерно на двадцать ли, и отпусти.

Жун Тянь был великим императором, и произнесённые им слова звучали так, как звучать могли только приказы императора.

Фэн Мин даже и в мыслях не предполагал, что Жун Тянь может отпустить Тун Цзяньмина. И поэтому юноша был сильно удивлён, услышав приказ Его Величества. Это было так неожиданно, что Фэн Мин не успел даже и слова вставить. Лишь сидящая в стороне вдовствующая императрица слегка изменилась в лице. Убрав свою строгость с лица, женщина наблюдала, как Цзы Янь взял Тун Цзяньмина и повёл того к выходу. Проводив их взглядом, Её Величество тихо поднялась с места и сообщила:

— Я очень устала и хочу отдохнуть, — сделав пару шагов, женщина остановилась и, обернувшись, спросила: — Когда Ваше Величество собирается уезжать?

Жун Тянь почтительно изрёк:

— Я собирался отправиться в Сицинь уже завтра, чтобы скорее встретиться с Вашим Величеством. Теперь, конечно же, мне бы хотелось обсудить это с матушкой-императрицей, и уточнить дату отъезда.

Женщина вздохнула и с лёгкой улыбкой ответила:

— Разве император не привык все важные дела решать самостоятельно? — женщина покачала головой и, несколько раз вздохнув, направилась к выходу. Как только вдовствующая императрица подошла к подолу, тот тут же приподнялся и на пороге появилась фигура Ле-эра. Юноша поклонился Её Величеству и повёл женщину в её временные покои.

Фэн Мин смотрел вслед вдовствующей императрице, и, когда её величественный силуэт исчез за пологом, юноша обеспокоенно произнёс:

— Похоже, что ты и твоя «Равная милость» расстроили Её Величество. Не хочешь ли ты отправиться к ней и поговорить? Объяснить ей всё?

На что Жун Тянь замотал головой и глубоким голосом объяснил:

— Даже если матушка недовольна, я всё равно не могу поддаться ей. По крайней мере, сейчас. В этом мире существуют одиннадцать государств, в которых живут сильные и могущественные народы со своими традициями и нравами. Поэтому, если ты хочешь объединить весь мир, ты должен успокоить сердца людей. Вот почему я пока не могу издать указ о «Равной милости». Это не так-то просто. Да и потом, нужно смотреть, у кого хватит смелости и упрямства, чтобы дойти до конца. Зато ты... — его тон изменился, становясь более лёгким и тёплым, а на красивом лице заиграла улыбка. — Зато ты и те слова, что ты сказал Тун Цзяньмину несколько минут назад, были потрясающими, и я хотел бы вознаградить тебя за это. Только надо подумать, как именно.

Фэн Мин, возгордившись, покачал головой:

— Мне не нужна награда, мне вполне хватит и того, что ты меня уважаешь. Вообще, по правде говоря, у меня действительно есть талант в убеждении. Когда я учился в колледже, то хотел подать документы на дипломатический, но там требовался высокий уровень английского, поэтому я...

— Что ж, тогда с этого момента ты позаботишься о Её Величестве. Иными словами, я хочу отправить тебя к матери-императрице, чтобы ты её успокоил и всё ей объяснил.

— Что? — внезапно прекращая себя восхвалять, вскрикнул Фэн Мин.

— Я сказал, — уголки губ слегка приподнялись, обнажая недобрую улыбку, — что с этого дня тебе придётся пораскинуть мозгами и придумать, как уговорить Её Величество принять указ о «Равной милости». Или ты не талантлив?

— Я... я...

— Тем более ты всегда нравился матери-императрице. И к тому же разве не ты постоянно твердишь, что Её Величество такая добрая и ласковая, прямо как твоя мама?

— Но в гневе она ужасно страшна-а.

— Угу, мне тоже страшно.

— И ты всё ещё хочешь, чтобы я пошёл?

Жун Тянь и Фэн Мин молча уставились друг на друга, и довольно долго дрались взглядами, в итоге Жун Тянь, словно уступая, поднял руки вверх:

— Хорошо, я не заставляю тебя.

Фэн Мин обрадовался:

— Ты решил сам пойти к ней? Правильно, конце концов, она твоя мать, а ты её сын, так что вы с лёгкостью найдёте общий язык. А я полежу здесь и буду мысленно поддерживать тебя.

— Думаю, нам вдвоём лучше держаться подальше от матери-императрицы. По крайней мере, какое-то время.

Фэн Мин удивлённо посмотрел на Жун Тяня и покачал он головой:

— Ты что, собираешься прятаться от Её Величества? А я-то думал, что ты смелый и никого не боишься.

Жун Тянь смущённо сказал:

— Какой ребёнок не боится злой матушки?

И они одновременно вздохнули, покачали головами, снова поглядели друг на друга, и, почувствовав себя крайне необычно, внезапно разразились смехом.

Фэн Мин смеялся, схватившись за живот и, скрутившись калачиком на кровати, задыхаясь проговорил:

— Хва... хватит, я боюсь тебя. Я придумаю способ и пойду к матери-императрице, чтобы успокоить её... помоги.. живот болит...

Жун Тянь со смеху тоже повалился на кровать и, раскинув руки и ноги, задыхаясь, произнёс:

— Тогда я возьму на себя ответственность и стащу Тун-эра с трона Силэй, чтобы потом надавать ему по заднице.

На следующее утро из-за последствий той бурной ночи Фэн Мин был вынужден наслаждаться обществом своих любимых служанок и, лёжа в завешанной шторами повозке, отправился в путь вслед за войском. К счастью, он был не единственным, кого окружали заботой и лаской.

Рядом с ним находился ещё и Жун Ху, которому Жун Тянь запретил садиться на лошадь, так как тот был ранен и ему требовался покой. Поэтому юноше волей-неволей пришлось сесть в повозку.

В итоге внутри достаточно просторной повозке ютились не только Цю Лань, Цю Юэ и Цю Син, но ещё и капризный, постоянно плачущий, что ему неудобно, Фэн Мин вместе с Жун Ху, которому не терпелось поскорее спрыгнуть с повозки и сесть на лошадь. Также к этой весёлой банде присоединилось ещё одно не менее шумное чудо — Ле-эр, который ехал рядом и время от времени заглядывал к Его Светлости, чтобы узнать, как его самочувствие, и заодно поднять всем настроение. С появлением Ле-эра обстановка становилась оживлённее, а звонкий смех и голоса, доносящиеся из повозки Фэн Мина, заставляли Жун Тяня, что ехал позади них, то и дело растягивать губы в довольной улыбке.

Пока князь со своей бандой веселился, Цзы Янь скакал впереди и проверял, нет ли где засады, а Юн И, выбрав самое удобное положение, ехал позади всего войска. Таким образом, принц мог в любой момент отстать от солдат, не привлекая к себе лишнего внимания. И всё это ради того, чтобы, взяв с собой Ле-эра, уединиться в каком-нибудь тихом местечке и на фоне дикой природы немного поворковать. А после того, как они вдоволь наворкуются, так же незаметно присоединиться к войску и продолжить путь.

К слову сказать, вдовствующая императрица, у которой со вчерашнего дня было безразличное выражение лица, тоже ехала вместе с ними. На её губах время от времени появлялась лёгкая улыбка, однако сама женщина вела себя абсолютно равнодушно. У матери-императрицы была своя личная охрана, но, несмотря на это, Юн И решил проявить уважение к первой женщине Силэй и специально приставил нескольких телохранителей к Её Величеству. В итоге вдовствующая императрица была под надёжной охраной, а её повозка, находясь в самом центре всей колонны, следовала почти в десяти метрах от повозки Фэн Мина.

Хоть Фэн Мин и согласился помочь Жун Тяню успокоить мать-императрицу, но всё же от воспоминаний об её спокойном лице неподдельный страх охватывал душу Фэн Мина и толпы мурашек пробегали по его телу. Его пугала одна истина: спокойные люди в гневе страшны.

В середине дня, когда отряд решил сделать привал, Фэн Мин всё же набрался смелости и отправился к повозке Её Величества. Помявшись какое-то время перед дверью, юноша коснулся шторы и тихим голосом спросил:

— Ваше Величество, можно мне войти и поговорить с Вами?

Но внутри продолжала царить тишина. То ли вдовствующая императрица отказалась отвечать на его просьбу, то ли голос Фэн Мина звучал очень тихо — неизвестно.

От этого томительного молчания Фэн Мину стало не по себе. Однако вскоре юноша вновь набрался храбрости и, повысив немного голос, начал:

— Ваше Величество, это... я...

— Если князь Мин хочет поговорить о «Равной милости», то уходите.

Голос матери императора звучал за занавеской ещё более безэмоционально.

Напоровшись на большой гвоздь[2], Фэн Мину ничего не оставалось, как понуро вернуться обратно к себе и придумать ещё что-нибудь. Цю Лань и девушки, которые знали, что он согласился помочь Жун Тяню успокоить вдовствующую императрицу, увидев его удручённый вид, поняли — дело не увенчалось успехом, и решили его подбодрить.

— Князю Мину не нужно переживать. Рано или поздно Её Величество поймёт намерения Императора.

— Хоть мать-императрица недовольна, но всё же разрешила Императору сделать то, что он задумал.

— К тому же, разве может матушка злиться на своего сына?

Нежный щебет этих трёх девушек как обычно перерос в галдеж. И, даже несмотря на то, что он так и не уладил дела с вдовствующей императрицей, настроение Фэн Мина немного улучшилось. Однако через несколько минут обстановка в повозке стала ещё оживлённее — всё благодаря Ле-эру, который вновь зашёл узнать, как там поживает его старший брат.

После полудня, когда привал был окончен, войска вновь отправились в путь. Неизвестно, действительно ли доносящиеся из повозки радостные голоса и смех привлек, но через какое-то время не смог сдерживаться и, слегка подстегнув коня, догнал повозку князя. Цю Лань, выглянув в оконце, спешно пролепетала, предупреждая Фэн Мина:

— Его Величество прибыл.

Высунув из повозки свою мордашку, Фэн Мин скорчил рожицу:

— Я сдержал своё слово. Когда мы делали привал, я ходил к матери-императрице, но она не захотела меня видеть. Не переживай, времени у нас много — я что-нибудь придумаю.

— Кто-то спрашивал тебя об этом? — Жун Тянь подмигнул Фэн Мину и завлекательно сказал: — хочешь ли ты выйти и прокатиться со мной на лошади?

Голос ещё не стих, а Фэн Мин, которому было скучно в повозке, радостно крикнул:

— Хочу! Хочу!

— Осторожно, иначе можешь вывалиться.

Как только шум улёгся, Жун Тянь протянул руку. Фэн Мин уже словно был готов. Нежно обхватив талию, Жун Тянь мягко поднял князя, и уже через мгновение Фэн Мин оказался в нежных объятиях молодого мужчины.

Увидев, как князь покидает повозку, Жун Ху уже не мог больше сдерживаться и, воспользовавшись удобным случаем, спросил:

— Ваше Величество, а можно мне тоже сесть на коня?

Жун Тянь вот только не «мог даровать такую милость» ему и решительно и бесповоротно проговорил:

— Ты думаешь, что ранение от руки учителя — это шутки? Я посоветовал бы тебе оставаться в повозке и лечить свои раны. Цю Юэ и Цю Син, позаботьтесь о Жун Ху и не спускайте с него глаз.

Цю Юэ и Цю Син громко выпалили:

— Слушаемся! Мы о нём как следует позаботимся и не спустим с него глаз! — переведя взгляд и поглядев на Жун Ху, который, потеряв всё своё самообладание, готов был разрыдаться от такой несправедливости, девушки захихикали, прикрывая ладошками улыбки.

Заметив его печальный вид, Цю Лань подошла ближе и тихо сказала:

— Император переживает за тебя. Да и госпожа Яо Е перед отъездом говорила, что тебе необходим покой. Господин Сяо потрясающе владеет техникой меча, и его меч нанёс тебе непростое ранение. Если ты сделаешь хоть одно неверное движение, то рана откроется и начнёт кровоточить, с трудом заживая. А чтобы этого не случилось, тебе нужно лежать. Неужели тебе не хочется остаться с нами?

Её мягкий и нежный голосок заставил уши вредного и капризного Жун Ху густо покраснеть и юноша, понизив тон, сказал:

— Конечно же, я хочу остаться с тобой.

Пока эта парочка перешёптывалась, Жун Тянь, обняв Фэн Мина, уже оторвался от повозки, скрываясь вдали.

Мужчина гнал коня вперёд и совсем не переживал, что, возможно, их где-то поджидает засада, так как путь уже был расчищен Цзы Янем, который ехал впереди и проверял каждый

миллиметр их пути.

Услышав позади себя цокот копыт, Цзы Янь обернулся. Увидев, что его догнали Жун Тянь с Фэн Мином, молодой генерал указал пальцем куда-то вперёд и доложил:

— Ваше Величество, там впереди пристань.

Фэн Мин радостно спросил:

— Мы поплывём на корабле?

— Верно, дальше мы поплывём на корабле. Это поможет нам сберечь лошадей, да и наши люди смогут отдохнуть и набраться сил.

Фэн Мин обрадовался и, дёрнув мужчину за рукав, воскликнул:

— Скочи скорее, я хочу первым попасть на борт огромного корабля! Жун Тянь, а ты и впрямь очень умный, а где ты взял корабль?

Жун Тянь вздохнул:

— Кажется, кое-кто забыл, что является самым богатым наследником в мире, у которого есть корабли.

Фэн Мин обомлел, но немного подумав, вспомнил, что унаследовал все корабли своего странного отца. Причём не только корабли, но и команду вместе с очень ценной навигационной картой. Жун Тянь говорил, что он самый богатый владелец судоходного дела и это не просто треп.

Хо-хо, кажется иметь семейное имущество тоже не плохо.

— Не вздыхай, всё моё — твоё. — похлопав по плечу Жун Тяня, Фэн Мин утешающе промолвил: — ничего страшного, я подарю тебе два лучших своих корабля.

Услышав это, Жун Тянь не знал, плакать ему или смеяться. Обвив рукой талию Фэн Мина, мужчина сказал:

— Держись крепче, сейчас я покажу тебе твоё наследство, — и как только плеть коснулась крутого бока, конь уже был готов мчаться быстрее ветра, унося своих всадников вперёд.

Чем ближе они становились, тем сильнее чувствовалась прохлада воды, которая витала

повсюду, окутывая тела и будоража кожу.

Думая о том, как осчастливить Фэн Мина, Жун Тянь натянул поводья, заставляя коня приостановить свой бег и медленно пойти вдоль берега, чтобы юноша смог неторопливо насладиться пейзажем.

Фэн Мин спросил о «Равной милости».

Жун Тянь сказал:

— Я уже отправил нескольких гонцов в разные города и посёлки, чтобы они распространили мой указ. Так что можешь об этом не переживать. Хотя, даже если мы не распространили указ о «Равной милости», за нас это сделал бы Тун-эр. Ведь он наверняка переживает: а вдруг не вся знать слышала о моём указе?!

Фэн Мин поморщил носик:

— Однако Мать-императрица... всё же не захотела меня видеть. А ещё сказала, что не хочет обсуждать со мной указ о «Равной милости».

Жун Тянь помог ему стереть с лица следы грусти и с чрезмерной любовью спросил:

— И ты из-за этого расстроился? Даже если сейчас Матушка не согласилась, то завтра она обязательно всё поймёт. Зачем так переживать, а?

— Мне при всяком случае нужно играть роль князя Мина?

Слушая его слегка серьёзные слова, так непохожие на чушь, Жун Тянь внимательно поглядел на упавшего в объятия любимого:

— Не переживай, когда-нибудь ты покажешь на что способен, — и его губы тронула многообещающая улыбка.

Лениво устроившись в объятиях мужчины, Фэн Мин перевёл взгляд на противоположный берег, и хотел ещё что-то сказать, как вдруг его глаза широко распахнулись, и он громко выпалил:

— Смотри! Там плавают мертвец! — юноша резко выпрямился в седле.

Жун Тянь перевёл взгляд и поглядел туда, куда указывал палец Фэн Мина. И действительно, на водной глади плавал человек. Его лицо было обращено к небу, а сам утопленник был

наполовину в воде.

Жун Тянь крикнул, и в тот же миг за его спиной появился Цзы Янь. Взяв с собой несколько солдат и быстро сняв верхнюю одежду, юный генерал нырнул в воду. Доплыв до середины реки, солдаты схватили тело и быстро погребли к берегу. Как только тело оказалось на суше, Цзы Янь подошёл и сказал Жун Тяню:

— Ваше Величество, спешу доложить, что этот человек больше жив, чем мёртв. Мы откачали из него воду и немного привели в чувства, но от него до сих пор разит вином. Видимо, он осушил немало бутылок. Думаю, этот пьяница сильно напился и, оступившись, упал в воду.

— Приведите его в чувства и скажите, чтобы проваливал на все четыре стороны. И скажите ему, чтобы в следующий раз, если напьётся, то пусть хотя бы сидит возле берега.

Получив приказ, Цзы Янь удалился.

Снова опустив голову, Жун Тянь поглядел на Фэн Мина:

— Ты спас пьяницу.

Фэн Мин фыркнул:

— Пьяница тоже человек, спасая человеческую жизнь, можно построить семьярусную пагоду Будды[3], а это уже не плохо! — и князь сделал вид, будто вспомнил ученье буддийских монахов и их Амитабха[4].

Жун Тянь с чрезмерной любовью улыбнулся, говоря:

— Я не говорил, что спасать чью-то жизнь — это плохо, а что такое семьярусная пагода Будды?

Этот вопрос загнал Фэн Мина в тупик. Ведь он даже не знал, что такое пагода Будды, просто часто слышал эту фразу по телевизору, откуда он столько всего знал?

Дважды почесав затылок Фэн Мин проговорил:

— Пагода — это, должно быть, такая своеобразная вещица. Во всяком случае не плохая вещица.

Поняв, что Фэн Мину известно далеко не всё, Жун Тянь не стал его спрашивать, по-прежнему обнимая его, не спеша подстёгивал коня. Только животное сдвинулось с места, как сзади раздалось лошадиное ржание и звонкий цокот копыт. А уже через секунду с ними

поравнялся Цзы Янь, который выглядел как-то странно:

— Ваше Величество, тот человек, которого мы спасли — мы сказали ему, чтобы он уходил. Вот только он...

— Что он?

— Он снова нырнул в воду.

— Что? — громко взвизгнул Фэн Мин. — Выходит, он не пьяница, который случайно упал в воду? Неужели он с самого начала хотел свести счёты с жизнью? Но из-за чего?

Жун Тянь равнодушно произнёс:

— Кажется, тебе не удастся построить какую-либо пагоду, если этот человек трус и боится жить, тогда к чему тратить своё время на его спасение? Нам надо ехать, — и мужчина снова хотел было подстегнуть коня.

Ударив локтём по рёбрам Жун Тяня, Фэн Мин обернулся и поглядел на него:

— Кто-то решил снова покончить жизнь самоубийством, и этот кто-то, кого я только что спас.

Цзы Янь сказал:

— Не волнуйтесь, князь Мин, когда он снова прыгнул в воду, мы его вытащили на берег. Вот только он по-прежнему хочет залезть в реку, поэтому сейчас всё что он делает, так это сидит на берегу и шумит.

— Идём, идём посмотрим на него.

Жун Тянь повиновался, и, стегнув коня, они отправились туда, где, по словам Цзы Яня, находился горе-утопленник. И по ходу их приближения крики и ругань становились всё громче.

Спасённый мужчина, видимо, хотел покончить жизнь самоубийством, вот только люди Цзы Яня останавливали его, вынуждая того причитать:

— У-у... у-у... у-у... Вы за это заплатите! Вы за это заплатите! У-у, вы за это заплатите...

Люди Цзы Яня были доблестными и храбрыми воинами, которые проливали свою кровь, не обронив ни одной слезинки, они вообще никогда не встречали рыдающего мужчину. Не

удивительно, что подобное зрелище повергло их в неподдельный шок и они с удивлением спросили:

— Заплатим?! За что?

— У-у... я хотел покончить с собой, хотел сразу умереть, и всё... у-у... у-у...у-у... а тут вы, как назло... и как назло спасли меня... я хотел снова прыгнуть в воду... у-у...у-у... у-у... но вы мне помешали...

— А что плохого в том, чтобы спасти тебя?

— Я такой несчастный, поэтому лучше бы я умер. Зачем вы вытащили меня, а? Прошу, дайте мне спокойно умереть... у-у...

Сначала Фэн Мин хотел спрыгнуть с коня и подойти к этому мужчине, однако руки Жун Тяня, что обвили вокруг талии и держали его, словно железные тиски, не позволяя сбежать из объятий, заставили его передумать. Обернувшись и поглядев на недоверчивое лицо Жун Тяня, юноше ничего не оставалось, как сидеть на месте:

— Эй, эй, давайте всё спокойно обсудим. Ведь обсудить можно всё что угодно, и незачем сводить счёты с жизнью.

Мужчина воскликнул:

— Я несчастный...

— Почему ты несчастен?

— Я...

Высокомерный Жун Тянь холодно проговорил:

— Сначала скажи своё имя, где родился и свою историю.

Фэн Мин свёл брови к переносице и прошептал:

— Человеку так плохо, что он готов свести счёты с жизнью, а ты... Нельзя быть таким бессердечным.

Этот мужчина однако был сговорчив и, задыхаясь, проговорил:

— Меня зовут Ле Чжунлю, и я родом из Юнъинь. Я художник и иногда помогаю людям писать всякие письма и тому подобное.

Фэн Мин поинтересовался:

— А почему ты хотел утопиться? .

— Никто не интересуется моим рисованием. У-у... у-у... Если человек ничего не умеет делать, то лучше уж умереть... У-у... у-у... Мой отец самого детства твердил мне... у-у... тратя силы на достижение своей цели... ты больше ничего не сможешь сделать... у-у... у-у... у-у... отец... я опозорил тебя-а-а-а... у-у...

Он рыдал и говорил. Причём сказав одно слово, мужчина снова приступал к своему бесконечному вытью, заглушая все до этого сказанные слова и вызывая у всех собравшихся одну сплошную головную боль.

Жун Тянь холодно процедил:

— Прекрати, разве это нормально, чтобы здоровый мужчина так рыдал? Если нет работы, то нужно её усерднее искать, а не пытаться свести счёты с жизнью. Думаешь, самоубийство не опозорит имя твоего отца?

От природы Жун Тянь обладал грозным и величественным голосом, который действовал отрезвляюще, подобно холодной воде. Услышав этот голос Ле Чжунлю тотчас же прекратил лить слёзы и, вытерев мокрым рукавом своё лицо, ответил:

— Вы считаете, что найти работу так легко? Если есть какая-то работа для меня, то я её делать не собираюсь. Как говорится: собака не пара свиноматке. Только те, кто знают о моём таланте, ищут меня и предлагают работу. Остальные же глупые дураки не имеют права нанимать меня. Но, увы, умных людей с каждым днём становится всё меньше и меньше. Да и тех, кто может дать мне работу, днём с огнём не сыщешь.

Все заметили, как мужчина резко изменился. Только что он готов был покончить с собой и захлёбывался слезами, а теперь же он в мгновение ока превратился в заносчивого и высокомерного человека.

Пока они разговаривали с этим странным человеком, на берегу образовалась целая толпа народу — это прибыли войска Юн И, люди Жун Тяня, ну и, естественно, сама Её Величество вдовствующая императрица. Повозка, в которой находились Цю Лань, Цю Юэ и Цю Син, тоже была здесь. Оставаясь в стороне, девушки тихо наблюдали за развитием событий. Услышав, как Ле Чжунлю громко расхваливает себя, Цю Юэ залилась смехом и, подняв занавеску, выпрыгнула из повозки:

— Я не верю, что ты такой потрясающий художник, собака-художник, помоги мне нарисовать картину и докажи, правда ли ты такой талантливый, как говоришь.

Ле Чжунлю поднял взгляд и поглядел на Цю Юэ. Его глаза тут же просияли, а на губах неожиданно заиграла льстивая улыбка:

— Если ты действительно хочешь нарисовать картину, то я с превеликим удовольствием помогу тебе. Я помогаю красавицам и никогда не требую ни единой монеты.

Услышав эти слова, все презрительно поглядели на художника.

Цю Син и Цю Лань тоже уже покинули повозку и, подойдя к Цю Юэ, встали за её спиной. Цю Син, слегка высунув язык, шёпотом проговорила:

— Оказывается, этот мужчина не только пьяница, но ещё и извращенец.

В этот момент подошедший Ле-эр, поддакивая, добавил:

— А ещё, у этого извращенца дурной вкус... Ай! Цю Син, ты мне на ногу наступила!

Цю Лань спросила:

— То есть ты помогаешь красавицам рисовать и никогда не просишь вознаграждения?

Ле Чжунлю перевёл взгляд на Цю Лань, и его глаза снова засверкали так, будто перед голодным человеком появился сочный и вкусный деликатес, и мужчина радостно ответил:

— Ну почему?! Награда всегда приветствуется, но только не деньгами. Просто позволь мне коснуться твоей ручки и поцеловать тебя, и этого будет вполне достаточно. У меня есть талант и внешность, я же никому не причиню вреда, если потрогаю и поцелую тебя, так ведь?

Сказав последнее «так ведь?», мужчина неожиданно бросил обольстительный взгляд на Цю Син.

Закатив от возмущения глаза, Цю Син вновь поглядела на Ле Чжунлю, сверля его злобным взглядом.

В этот момент даже Фэн Мин, который был самым отзывчивым, оказался беспомощным перед этим Ле Чжунлю. Повернув голову и поглядев на Жун Тяня, юноша с сожалением сказал:

— Как оказалось, из гнилого дерева действительно хорошей вещи не вырежешь[5]. Не стоит

беспокоиться, с ним всё в порядке, мы только зря время потратили. Нужно как можно скорее выдвигаться к пристани и сесть на корабль.

Сам же император Силэй задумчиво наблюдал за Ле Чжунлю. Услышав слова Фэн Мина, он лишь кивнул, выдыхая «угу». Однако Жун Тянь не торопился разворачивать коня и отправляться в путь, вместо этого он пришпорил животное и подъехал ближе к Ле Чжунлю. Глядя на мужчину свысока, Жун Тянь в какой-то момент неожиданно пнул того ногой.

Оказавшись беззащитным перед такой атакой, ведь Ле Чжунлю даже подумать не мог, что Жун Тянь молча пнёт его, потерял равновесие и плюхнулся в воду, поднимая собою брызги.

На какое-то мгновение Фэн Мин застыл в удивлении. Но вскоре, придя в себя, юноша громко выпалил:

— Жун Тянь, ты что делаешь?

— А не ты ли говорил, что он — гнилое дерево, из которого ничего хорошего не сделаешь?

— Я хотел, чтобы ты оставил его в покое, а не толкал в воду!

Жун Тянь коротко поглядел на Ле Чжунлю, который отчаянно бултыхался в воде, и на его спокойном и расслабленном лице появилась равнодушная улыбка:

— Этот человек приехал сюда из-за нас.

Фэн Мин удивлённо спросил:

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он умеет плавать, — отведя взгляд от реки, в которой бултыхался, стараясь добраться до берега, Ле Чжунлю, Жун Тянь развернул жеребца: — Цзы Янь, вытащи его из воды. Он поедет и сядет вместе с нами на корабль, — сказав это, мужчина пришпорил коня.

И жёлтые крупы песка вновь поднялись и закружились в воздухе.

Примечания:

[1]«Напороться на большой гвоздь» обр.в знач: потерпеть фиаско.

[2]Образ Священной Горы как центра мира и мировой оси. Ее ярусы символизируют ступени восхождения на Небеса.

[3]Одна из трёх форм Будды, его обитель — западное небо, западный рай, куда попадают праведные буддисты, чтущие его имя. А также одно из употребительнейших молитвенных причитаний у буддистов; ср. «о, господи», «слава богу».

[4]Что означает: от дурного человека не жди ничего хорошего.

<http://bllate.org/book/13377/1190190>